

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
ПЕРСОНАЖЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
И ЕЕ ВОССОЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ
РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)**

М. Ю. Родионова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Поступила в редакцию 8 февраля 2014 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются причины расхождений в количестве случаев прямого называния эмоций в оригинале и переводе художественного текста.*

Ключевые слова: *эмоциональное состояние, прямая номинация эмоций.*

Abstract: *the article discusses reasons for differences in the number of words denoting emotions in the original literary text and its translation.*

Key words: *emotional state, direct nomination.*

Художественная литература представляет собой один из основных способов передачи культурно-исторического наследия и культурного общения между носителями разных языков и разных культур. В связи с этим перед переводчиком художественного текста стоит задача достоверно передать реалии и образы, свойственные культуре языка оригинала, и одновременно сохранить ясность и благозвучие языка перевода. Определенные сложности сохранения такого баланса возникают при переводе описаний эмоционального состояния персонажей.

Выражение и описание эмоционального состояния персонажей составляют одну из главных особенностей художественного текста, отличающих его от других типов текстов. Информация о переживаемых героями эмоциях передается различными способами. Автор может прямо называть то эмоциональное состояние, в котором находится персонаж, может описывать мимику, жесты, манеру поведения, свидетельствующие об этом состоянии, может строить речь персонажа с учетом тех особенностей речепорождения, которые характерны для человека, находящегося в состоянии сильного эмоционального возбуждения. При этом прямое называние эмоций задает эмоциональный фон, на который накладываются и описание невербального поведения, и деформированные синтаксические конструкции, и другие средства, имеющиеся в распоряжении автора.

Обычно переводчик художественного произведения, стремясь воссоздать в переводе стиль автора, старается сохранить те способы, с помощью которых в оригинале характеризуется эмоциональное состоя-

ние персонажей. Так, если автор описывает эмоциональное состояние посредством прямой номинации, в большинстве случаев в тексте перевода также используется прямая номинация. Если в качестве характеристики эмоционального состояния, переживаемого персонажем, автором выбрано описание мимики, жестов и других невербальных средств проявления эмоций, в тексте перевода воспроизводятся именно эти средства. Нередко в переводе предпринимаются попытки воспроизвести и особенности речепорождения, свидетельствующие об особенностях речемыслительной деятельности при том или ином типе эмоционального состояния.

Можно предположить, что наименьшие трудности при переводе вызывает воспроизведение прямых номинаций эмоциональных состояний. Кинесика (и тем более ее отражение в языке) может быть различной у представителей разных культур. Синтаксические структуры, порождаемые носителями разных языков в состоянии эмоционального возбуждения – при несомненной общности происходящих у говорящего психофизиологических процессов, – могут различаться в силу различий в строе языков. Средства же прямой номинации базовых эмоций, которые являются общими для всех людей и лежат в основе комплексных эмоциональных состояний, должны совпадать. Поэтому воспроизведение этих средств в переводе фактически должно сводиться к поиску словарных соответствий. Однако анализ двух переводов романа Ф. М. Достоевского «Идиот» показывает, что по количеству употребленных в переводе прямых номинаций эмоционального состояния персонажей оба перевода отличаются от оригинала. При этом проявляются общие для обоих переводов зако-

номерности, которые в количественном отношении выглядят следующим образом.

Всего в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» [1] прямые номинации базовых эмоций встретились 2733 раза, из них в 1701 случае (62,2 %) в авторской речи и в 1032 случаях (37,8 %) в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций положительных эмоций – 550, из них в 356 случаях (64,7 %) в авторской речи и в 194 случаях (35,2 %) в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций отрицательных эмоций – 1839, из них в 1101 случае (59,9 %) в авторской речи и в 738 (40,1 %) – в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций ситуативно-обусловленных эмоций – 344, из них 244 (70,9 %) – в авторской речи и 100 (29,1 %) – в речи персонажей.

В переводе романа на английский язык, выполненном Е. Мартин [2] (в дальнейшем – Перевод 1), исследуемые номинации встретились 2647 раз, из них в 1504 случаях (56,8 %) в авторской речи и в 1143 случаях (43,2 %) в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций положительных эмоций – 736, из них в 382 случаях (51,9 %) в авторской речи и в 354 случаях (48,1 %) в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций отрицательных эмоций – 1630, из них в 929 случаях (57,0 %) в авторской речи и в 701 (43,0 %) в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций ситуативно-обусловленных эмоций – 281, из них 193 (68,7 %) – в авторской речи и 88 (31,3 %) – в речи персонажей.

В переводе романа на английский язык, выполненном Аланом Майерсом [3] (в дальнейшем – Перевод 2), исследуемые номинации встретились 2548 раз, из них в 1437 случаях (56,4 %) в авторской речи и в 1111 случаях (43,6 %) в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций положительных эмоций – 629, из них в 339 случаях (53,9 %) в авторской речи и в 290 случаях (46,1 %) в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций отрицательных эмоций – 1609, из них в 897 случаях (55,7 %) в авторской речи и в 712 (44,3 %) – в речи персонажей. Общее количество употреблений номинаций ситуативно-обусловленных эмоций – 310, из них 203 (65,5 %) – в авторской речи и 107 (34,5 %) – в речи персонажей.

Таким образом, общее количество употреблений прямых номинаций в обоих переводах меньше, чем в оригинале, причем за счет меньшего количества случаев называния отрицательных и ситуативно-обусловленных эмоций.

Что касается Перевода 1, то меньшее количество употребленных переводчиком слов, называющих эмоции в целом и отрицательные эмоции в частности, в значительной степени объясняется многочисленными опущениями. Во многих случаях эти опущения

не диктуются ни различиями в узусе, ни чисто переводческими трудностями. Так, например, нет никаких объективных причин, мешающих сохранить в переводе характеристику состояния персонажа, переданную словом «встревожен» в следующем предложении:

Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен: иной раз слушал и не слушал, глядел и не глядел, смеялся и подчас сам не знал и не помнил чему смеялся.

Однако переводчик предпочитает опустить ее, так же как и повтор-усиление «что-то очень рассеян»:

He was very absent; he would appear to listen-and heard nothing; and he would laugh of a sudden, evidently with no idea of what he was laughing about.

Иногда, по всей видимости, опущения вызваны тем, что у переводчика возникали проблемы с пониманием текста оригинала. Иначе трудно объяснить, почему в переводе полностью отсутствует следующий фрагмент текста.

Ну чего ему, скажите пожалуйста! – раздражительно и злобно кивнул на него опять Рогожин: – ведь я тебе ни копейки не дам, хоть ты тут вверх ногами предо мной ходи.

– И буду, и буду ходить.

– Вишь! Да ведь не дам, не дам, хошь целую неделю пляши!

– И не давай! Так мне и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, детей малых брошу, а пред тобой буду плясать. Польсти, польсти!

В результате этого опущения из текста пропали сразу две характеристики эмоционального состояния персонажа – «раздражительно» и «злобно».

Если предыдущий фрагмент мог вызвать непонимание по причинам лексического характера, то в ряде случаев можно предположить, что переводчику было трудно представить себе соединение, совмещение в одном эмоциональном состоянии двух противоположных по знаку эмоций, в результате чего указание на одну из этих эмоций просто убиралось:

Хотя князь был и дурачек, – лакей уж это решил, – но всё-таки генеральскому камердинеру показалось, наконец, неприличным продолжать долее разговор от себя с посетителем, несмотря на то, что князь ему почему-то нравился, в своем роде, конечно. Но с другой точки зрения он возбуждал в нем решительное и грубое негодование.

Fool the prince might be, still, the general's servant felt that it was not correct for him to continue to converse thus with a visitor, in spite of the fact that the prince pleased him somehow.

В ряде случаев намеренное опущение указаний именно на отрицательную эмоцию заставляет предположить, что общая насыщенность текста номина-

циями отрицательных эмоций казалась переводчику чрезмерной, чем можно объяснить опущение характеристики «злобно» в следующем примере:

– *Настасью Филипповну? А разве она с Лихачевым... – злобно посмотрел на него Рогожин, даже губы его побледнели и задрожали.*

«*Nastasia Philipovna? Why, you don't mean to say that she and Lihachof...» cried Rogojin, turning quite pale.*

Нередко отсутствие в тексте перевода слов, называющих эмоцию как качественно определенное эмоциональное состояние, объясняется тем, что переводчик пользуется приемом генерализации, передавая, скажем, словосочетания «неприятное ощущение», «злая улыбка» как «unpleasant feeling», «unpleasant smile», т.е. снимая качественную характеристику состояния и заменяя ее характеристикой оценочной.

– *Ишь, и Залёжес тут! – пробормотал Рогожин, смотря на них с торжествующею и даже как бы злобною улыбкой.*

«*Why, there's Zaleshoff here, too!*» he muttered, gazing at the scene with a sort of triumphant but **unpleasant** smile.

В Переводе 2 эмоциональные характеристики переданы значительно точнее. Однако и в этом случае слов, называющих отрицательные эмоции, в тексте перевода меньше, чем в тексте оригинала. Это заставляет предположить, что, наряду с описанными выше предположительно субъективными причинами, существуют еще и некие объективные причины, приводящие к такому результату.

Рассмотрим наиболее типичные примеры отсутствия в Переводe 2 слов-номинаций эмоций.

В целом ряде случаев переводчик заменяет прямое название эмоции характеристикой связанного с ней коммуникативного поведения:

Лизавета Прокофьевна хотела было встать, но вдруг раздражительно обратилась к смеющемуся Ипполиту...

«*Madame Yevanchina was on the point of rising when she turned abruptly to the laughing Ippolit...*

Если в тексте оригинала представлена эмоция, репрезентируемая лексической единицей «раздражительно», то в тексте перевода конкретная эмоция не называется, а описывается коммуникативный тип поведения, который характеризуется словом «abruptly» – «speaking or acting in a way that seems unfriendly and rude» [4, p. 4]. Подобный прием передачи того же эмоционального состояния можно увидеть и в следующем примере:

Позвольте же и мне, милостивый государь, с своей стороны вам заметить, – раздражительно вдруг заговорил Иван Федорович, потерявший последнее терпение...

«*And may I point out to you from my part, dear sir», General Yevanchin spoke up grossly all of a sudden, having finally lost patience altogether...*

И в этом предложении в тексте перевода есть только описание коммуникативного типа поведения, обозначаемого лексемой «grossly» («gross» – «very rude» [4, p. 685]), которая не указывает на качественную характеристику эмоционального состояния.

В некоторых случаях прямая номинация конкретной эмоции заменяется на описание общего эмоционального состояния без его качественной характеристики:

Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен: иной раз слушал и не слушал, глядел и не глядел, смеялся и подчас сам не знал и не помнил чему смеялся.

He was preoccupied, very much preoccupied, indeed almost on edge, as his behaviour began to verge on the odd: he would listen then not listen, look then look away, at times laughing without realizing it or knowing why he had done so.

Прямая номинация «встревожен» – «находящийся в состоянии тревоги, беспокойства» [5, с. 807] в тексте перевода представлена указанием на то, что персонаж находится в некоем эмоциональном состоянии, поскольку «on edge» определяется как «be nervous, excited or bad-tempered» [4, p. 484].

Часто в тексте перевода переводчик указывает на реакцию, вызванную тем или иным эмоциональным состоянием, а не на само состояние:

В последнем отношении с ним приключилось даже несколько забавных анекдотов; но генерал никогда не унывал, даже и при самых забавных анекдотах.

...but the general never repined, however amusing the situation.

Глагол «to repine» соответствует русскому «роптать», «сетовать» [6, с. 143] и определяется как «express discontent; fret» [7], т.е. называет не состояние, а вызываемую им реакцию.

Иногда название эмоции в переводе заменяется описанием жестов, мимики персонажа, производимого ими впечатления:

– *Настасью Филипповну? А разве она с Лихачевым... – злобно посмотрел на него Рогожин, даже губы его побледнели и задрожали.*

«*Nastasya Filippovna? You don't mean Likhachov and her...» Rogozhin stared grimly at him with pale and tremulous lips.*

В случаях когда в оригинале названы две одновременно переживаемые персонажем базовые эмоции, переводчик нередко сохраняет название доминирующей, а вторую, наслаивающуюся на нее, назы-

вает словом, обозначающим возникающий комплекс эмоций в целом:

– *Ишь, и Залежев тут! – пробормотал Рогожин, смотря на них с торжествующею и даже как бы злобною улыбкой, и вдруг оборотился к князю...*

«*Look at that, and Zalyozhev's here as well!*» Rogozhin muttered; his smile as he surveyed them was both **triumphant and sardonic**.

Слово «sardonic» сочетает в себе значения превосходства (повторяя в какой-то степени значение слова «triumphant») и мрачной насмешки: «showing that you think that you are better than other people and don't take them seriously; grimly mocking or cynical» [4, p. 1355].

Иногда меньшее количество употребленных прямых номинаций вызвано, по-видимому, соображениями стилистического порядка. Примером может служить перевод следующего предложения:

– *Еще бы ты-то отказывал! – с досадой проговорил генерал, не желая даже и сдерживать досады.*

«*I should think you're not refusing!*» snapped the general, no longer bothering to conceal his **exasperation**.

Встречаются, впрочем, и случаи, когда количество номинаций в английском тексте меньше, чем в русском, из-за существования в русском языке специфических синтаксических конструкций, предполагающих лексический повтор. В случае употребления в них слов, называющих эмоции, отсутствие аналогичных конструкций в английском языке неизбежно ведет к уменьшению случаев употребления этих слов. Например:

Рассердился-то он рассердился.

Yes, well, he was angry of course.

Если рассматривать Перевод 2 с точки зрения передачи денотативного содержания, то следует отметить достаточную полноту и точность текста. В каждом конкретном случае отказа от прямого названия эмоции переводчик пользуется стандартными и широко распространенными приемами, такими как генерализация, смысловое развитие, описательный перевод и т.д. Однако использование

всех этих приемов, вполне допустимое в переводе вообще, представляется не очень удачным решением при переводе произведений Ф. М. Достоевского, где именно качественно определенные эмоции (причем часто в нестандартных сочетаниях) играют весьма важную роль для характеристики персонажей и их поступков. При достаточной смысловой точности и психологической достоверности каждого отдельного решения совокупность этих приемов приводит к значимому (более чем на 10 %) сокращению употребленных в тексте номинаций отрицательных эмоций, что сказывается на общем эмоциональном фоне текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Достоевский Ф. М. Идиот* / Ф. М. Достоевский // По изданию : Идиот. Роман в четырех частях Федора Достоевского. – СПб., 1874, [с исправлениями по журналу «Русский Вестник» 1868 года с сохранением орфографии издания]; редакция Б. Томашевского и К. Халабаева // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.aldebaran.ru/>

2. *Dostoyevsky Fyodor. The Idiot* / Fyodor Dostoyevsky ; Translated by Eva Martin // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://manybooks.net/>

3. *Dostoyevsky Fyodor. The Idiot* / Fyodor Dostoyevsky ; Translated and edited by Alan Myers // Oxford university press. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.amazon.com/The-Idiot-Oxford-Worlds-Classics/dp/0199536392/ref=sr_1_4?ie=UTF8&qid=1396031291&sr=8-4&keywords=dostoyevsky+idiot

4. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 8th ed. – Oxford University Press, 2010. – 1796 p.

5. *Ожегов С. И. Словарь русского языка* / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1990. – 915 с.

6. Новый большой англо-русский словарь / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна и д-ра филол. наук, проф. Э. М. Медниковой. – М. : Русский язык, 2000.

7. Oxford Dictionary of English. – 3rd ed. – Oxford University Press, 2010.

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Родионова М. Ю., аспирант кафедры английской филологии

E-mail: Maria.Y.Rodionova@gmail.com

Тел.: 8-905-662-24-46

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov

Rodionova M. Yu., Post-graduate Student of the English Philology Department

E-mail: Maria.Y.Rodionova@gmail.com

Tel.: 8-905-662-24-46